

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
УКРАИНСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

*Оскар
Уайльд*

ПОРТРЕТ
*Дорiana
Грея*

Харьков
«Фолио»
2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

Художник — творец прекрасного.

Раскрыть красоту и скрыть художника — вот цель искусства.

Критик — это тот, кто в новой форме или новыми средствами может передать свое впечатление от прекрасного.

Высшая, как и низшая, форма критики — один из видов автобиографии.

Те, кто в прекрасном творении усматривают дурной смысл, сами испорчены и это не делает их привлекательными. Это большой недостаток.

Те, кто в прекрасном произведении находят прекрасный смысл, — культурные люди. Для них еще есть надежда.

Избранники те, для которых прекрасное произведение означает только Красоту.

Такой вещи, как нравственная или безнравственная книга, не существует. Книга бывает хорошо или плохо написана, — вот и все.

Ненависть XIX века к Реализму — бешенство Калибана, видящего в зеркале свое собственное отражение.

Ненависть XIX века к Романтизму — это бешенство Калибана, не находящего в зеркале своего собственного отражения.

Нравственная жизнь человека частично входит в тему художника; нравственность же искусства — в совершенном применении несовершенных средств.

Ни один художник не стремится что-либо доказать. Даже несомненные истины могут быть доказаны.

Ни у одного художника не бывает этических предпочтений. Этические предпочтения в художнике — непростительная манерность стиля.

Художник никогда не бывает болезненным. Художник может изображать все.

Мысль и язык для художника — средства искусства.

Добродетель и порок для художника — материалы искусства. С точки зрения формы, первообразом всех искусств является искусство музыканта. С точки зрения чувства, первообразом служит искусство актера.

Во всяком искусстве есть то, что лежит на поверхности, и символ.

Те, кто пытаются проникнуть глубже поверхности, делают это на свой страх и риск.

Те, кто раскрывает символ, делают это на свой страх и риск.

Зрителя, а не жизнь отражает в действительности искусство.

Различие мнений о каком-нибудь произведении искусства доказывает, что это произведение ново, сложно и жизненно.

Когда критики расходятся в мнениях, художник остается в согласии с самим собой.

Мы можем простить человеку то, что он сделал полезную вещь, до тех пор, пока сам он ею не восхищается.

Единственное же извинение для того, кто сделал бесполезную вещь, — это то, что ею можно безгранично восхищаться.

Всякое искусство совершенно бесполезно.

Оскар Уайльд

ГЛАВА I

Мастерская была пропитана роскошным ароматом роз, и каждое легкое дуновение летнего ветерка среди деревьев сада приносило с собой в открытую дверь удушливый запах сирени или более нежное благоухание розоцветного шиповника.

С угла дивана, покрытого персидскими чепраками, где он лежал, куря, по обыкновению, одну за другой бесчисленные папиросы, лорд Генри Уоттон мог любоваться пышностью медвяно-сладких и медвяноцветных лепестков альпийского ракитника, трепетные ветви которого, казалось, едва выдерживали тяжесть столь пламенно-яркой красоты, а прямо перед его глазами, по длинным шелковым занавесям громадного окна, напоминая моментальные эффекты японской живописи, проносились фантастические тени пролетающих мимо птиц, и мысль его невольно направлялась к далеким желтолицым художникам, стремящимся выразить движение и порыв в неподвижном по своей природе искусстве. Глухое жужжание пчел, то пробивавших себе дорогу в высокой безмятежной траве, то с монотонной настойчивостью кружившихся над черными, завитыми усиками ранних июньских мальв, как будто еще усиливало впечатление гнетущей тишины, а неясный шум Лондона доносился, как басовые ноты далекого органа.

Посреди комнаты на стоячем мольберте был прикреплен портрет молодого человека необыкновенной красоты, во весь рост, а перед ним, немного поодаль, сидел и сам худож-

ник, Бэзил Холлуорд, вызвавший своим внезапным исчезновением несколько лет тому назад сенсацию и возбудивший бесчисленные толки.

При взгляде на изящную, прекрасную фигуру, так искусно воспроизведенную его кистью, улыбка удовольствия появлялась время от времени на лице художника. Но вот он вдруг вскочил и, закрыв глаза, прижал пальцы к своим векам, будто стараясь удержать в своем мозгу какой-то чудный сон, от которого он боялся проснуться.

— Это ваше лучшее произведение, Бэзил, лучшая из всех когда-либо вами написанных картин, — лениво сказал лорд Генри. — Вы непременно должны выставить ее в будущем году в Гросвеноре. Академия слишком велика и вульгарна. Когда бы я там ни бывал, всегда была или такая толпа людей, что немыслимо было разглядеть картины, а это ужасно, или же столько картин, что нельзя было разглядеть людей, и это еще ужаснее. Гросвенор, по-моему, единственное место.

— Не думаю, чтобы я где бы то ни было выставил эту вещь, — ответил Бэзил, закидывая назад голову по своей старинной привычке, над которой, бывало, трунили еще его товарищи в Оксфорде. — Нет, я нигде не выставлю ее.

Лорд Генри поднял брови и в изумлении поглядел на него сквозь синие клубы дыма, причудливыми кольцами поднимавшиеся от его крепкой, пропитанной опиумом папиросы.

— Вы ее не выставите? Да почему же это, мой друг? По какой причине? Чудаки, право, все вы, художники! Вы все на свете делаете, чтобы добиться известности; а как только вы ее добились, вы точно стараетесь от нее избавиться. Это совсем глупо, ибо что может быть на свете хуже того, что о человеке говорят? Только одно: что о нем совсем не говорят. А такой портрет, как этот, вознесет вас над всеми молодыми художниками Англии, а старых преисполнит чувством зависти, если только старики вообще способны на какие-нибудь чувства.

— Я знаю, что вы будете надо мной смеяться, — возразил художник, — но я, право, не могу выставить этой работы. Я вложил в нее слишком много самого себя.

Лорд Генри развалился на диване и залился смехом.

